

«Здравствуйте, меня зовут Озпин».

— На этом что? — переспросила Вайсс у заместителя директора Гудвич, решив, что она неправильно расслышала. Мне сложно было сдержать лезущую на лицо самодовольную улыбку.

— На этом всё, — повторила она, скрестив руки на своей внушительной груди. — Вы трое свободны. И я искренне надеюсь, что вы не сделаете ничего, из-за чего вас стоило бы сюда возвращать.

От этих слов заметно оживилась даже Блейк, её взгляд обратился на меня, молча сидящего в задней части класса для отработок, или как они это место для каторги называют. На её лице явно читался вопрос.

— Видела, как у меня колёни натёрты? — негромко произнёс я. — Я принял на себя удар двадцатисантиметровой елды правосудия.

— Мистер Арк! — крикнула Гудбич (П.П; Goodbitch) , ударив по столу своей плёткой.

— Ладно-ладно, — сдавшись, поднимаю руки. — Там было не двадцать, а всего пять. Он заставил меня никому не рассказывать.

Я почувствовал, что сегодняшний вечер будет очень весёлым, неважно, в плохом или хорошем смысле. В это же время директор явно планировал что-то ещё более злое и коварное. Полагаю, его можно было понять. Это никак не мешало мне его за это осуждать, но всё же.

Члены моей команды в лице двух девушек и одного не-пойми-кого, оказались настолько рады услышанной новости, что тут же поспешили свалить, с целью насладиться положенными выходными. Точнее, тому, что от них осталось. Хотя, учитывая, что меня с ними не будет, они все равно успеют отдохнуть больше, чем обычно.

Протягиваю руку, чтобы коснуться запястья проходившей мимо меня Блейк, и, стоит отдать ей должное, вместо того, чтобы инстинктивно отпихнуть мою ладонь, та действительно остановилась.

— Тунец, не забыла? Попробуй убедить их пойти с нами. Пожалуйста?

— Никаких разговоров во время отбытия наказания, Мистер Арк!

Продолжая смотреть на Блейк, складываю руки в молитвенном жесте. Девушка вздохнула и

одарила меня слабой улыбкой. Она была явно натянутой, но один только вид её дружелюбного выражения лица растопил моё сердце. Стало намного проще продолжать говорить себе, что всё это затевалось не зря, это была та самая анестезия, которая поможет мне пережить предстоящую встречу с Гудвич.

Именно ради этого я боролся. Медленно и с трудом возвращая себе статус человека, по одному члену команды BASS за раз. Что бы со мной ни случилось, мысль о том, что кто-то вроде Вайсс или Шэмрок сможет проявить ко мне хотя бы отдалённое дружелюбие, закаляло мою решимость. Вроде того, что было между мной и Индиго - я получу только то, что заслужил своими силами, а не получил заочно, стащив тело невинного пацана.

У меня получится. Ради них я могу стать сучкой Озпина. И даже притвориться, что эта школьная наркотерапия мне действительно помогает. Только чтобы видеть больше подобных моментов.

Это был последний раз, когда я виделся со своей командой на сегодня.

И это был полный отстой, скажу я вам. Потому что как бы я ни старался, но у меня не получилось выудить ничего интересного из восьмичасового сидения в тишине без свитка. Я ожидал, что Гудвич будет насмехаться надо мной, язвить или задавать оскорбительные вопросы о моём ужасном поведении. Но она была столь же тактична, как и на своих уроках по боевой подготовке, где мне до сих пор было неофициально запрещено участвовать в спаррингах.

Большую часть этих уроков занимала теория и тактика, а полноценные спарринги между учениками были редкостью. И даже если они случались, то носили скорее форму демонстративных уроков, чем бесцельного мордобоя между детьми. Это единственная причина, по которой моя оценка по этому предмету находится на уровне «Проломной минимум». Стоило отдать ей должное, пусть она меня всей душой ненавидела, но её невероятная дотошность и профессионализм сдержали её от того, чтобы намеренно портить мне жизнь.

Сегодняшним вечером Гудвич была молчалива, работая над своими бумагами и отправляя электронные письма, или чем там любят заниматься вампиры вроде неё, когда у них выдаётся свободная минутка от игры в кровососущего стража закона. Нужно будет спросить об этом мою сестру, ту, которая не Индиго, раз уж та работала в сфере образования. Последний раз, когда я слышал какие-то новости от неё, та рассказала, как её укусил ученик, из-за чего она боялась, что может обратиться в ребёнка.

Под конец я достиг такой Нирваны скуки, что астрально спроецировал себя в четвёртое измерение, в страну девушек с объёмными формами и выпуклостями во всех нужных местах, а также сухим бассейном для взрослых, полного звенящих патронов.

Из прострации меня вывел звук резко захлопнувшейся двери. Неужели Гудвич только вышла из комнаты? Спать здесь было запрещено (я пробовал), так что моим пределом было лишь

полное отключение мозга. Как оказалось, даже у учителей имелись какие-то личные дела, помимо караула нерадивых учеников.

— Напоминает те моменты, когда папе надоедало смотреть, как мы стоим в углу, и он уходил по своим делам, — произнёс он.

Человек слышит свой собственный голос иначе, из-за того, что тот звучит изнутри его головы. Он привыкает к его мерзкому звучанию и начинает воспринимать нормально. Именно из-за этого при прослушивании записи, ты с трудом узнаешь себя, а затем с ужасом понимаешь, что это действительно ты. Я настолько привык слышать себя как Майлса Луна, что не сразу узнал пацана, который ко мне обратился.

Жон Арк, чисто побритый, и без переделанной мной стрижки. Он смотрел на меня с грустной улыбкой, сидя задом наперёд на стуле перед моей партой и лениво покачивая свободно висящими руками.

— Чё как? — спросил Жон.

Медленно моргаю.

— Мне больше нравилось, когда мои галлюцинации хотя бы были сексапильными красотками.

Жон повёл плечом.

— Как ты сам однажды сказал: в состоянии стресса мозг иногда заставляет тебя видеть всякое, — было странно слышать свой голос без южноамериканского акцента. — Наверняка это Индиго довела тебя до такого состояния, со всей этой виной и душевными терзаниями.

— Я чувствую себя отлично.

— Ложь делает нам только хуже, дружище, — сказал он, покачивая пальцем, словно маятником.

Я вдохнул и слегка поник.

— Как скажешь. В таком случае пропустим стадию отрицания, которую ты так от меня ждёшь, и перейдём к той части, где я спрашиваю тебя, пришёл ли ты сюда, чтобы орать и требовать уйти прочь из твоей головы.

Он растерянно наклонил голову.

— А зачем?

— Потому что я украл твоё тело. В какой-то момент даже пытался срезать твоё лицо. Буквально уничтожил твою репутацию. Заставил Индиго плакать, — жму плечами. — Полный список вещей, которые происходят при психозе.

— Стойко принимаешь на себя трудности, а?

— Задаешь тяжёлые вопросы в снисходительно-дружелюбной манере, а?

Жон рассмеялся.

— Да не, чувак. Я лишь говорю, что мне нравится твой энтузиазм. Но я не для того пил всё это молоко в детстве, чтобы просто вот так взять, и бесследно исчезнуть. В «тебе» имеется достаточно много «нас», чтобы... — он поморщился. — Как бы это сказать. Короче, невозможно понять, где начинается один из нас, и заканчивается другой. Мы скорее похожи на... коктейль! Суёшь соломинку и пьёшь, чувствуя клубнику и банан одновременно.

— Мне не нравятся твои аппетитные метафоры, блондинчик!

— Всё ещё сидишь на кето-диете?

Качаю головой.

— Нет, это было в Броктон Бэй. И в колледже. Теперь же я просто жру, что хочу, просто в меру. Или вообще не жру, — на мгновение осекаюсь. — погоди, откуда ты это знаешь?

Жон усмехнулся, поворачивая стул в мою сторону, чтобы сесть нормально, а не раздвигать ноги, как стриптизёрша.

— Чувак, у нас одна голова на двоих, не забыл?

— Мне не нравится, когда люди смотрят, как я мастурбирую! Единственный, кто может так делать, чтобы это не считалось гейством — это Бог.

— Говорит мне парень, который уже несколько раз упомянул член Рена.

— У него очень художественные изгибы, — хмыкнул я.

— Мгм.

— Это твоё тело и твои гормоны! — пронёс я. — Я за него не в ответе.

— Но ты всё ещё в ответе за то, что обломал меня с Пиррой.

Хмурюсь и облакачиваюсь на руку.

— Ты в курсе о будущем, которое я испоганил?

Он неуверенно покачал рукой.

— Однажды ты в пьяном бреду начал бубнить о том, как ты испортил состав команд и Пирра тебя не любит. К счастью, ты в этот момент сидел в душе, так что никто, кроме стен, тебя не услышал. Мне известно ровно столько, сколько ты сказал. Плюс немного о твоём прошлом.

— Ты ведь в курсе, что звучишь, как жуткий сталкер?

Он рассмеялся.

— Я бы сказал, что больше звучу как физическое воплощение внутренних демонов какого-то неудачника.

— Ну, знаешь... эээ... — пытаюсь подобрать слова. — Ты звучишь как, ну... воплощение неспособности абсолютного ничтожества признать свои прошлые ошибки.

— Ты же понимаешь, что мы с тобой один и тот же человек? — уточнил он. — С разницей лишь в том, что в тебе мои самые худшие черты выкручены на двести процентов и дополнительно подпитаны алкоголем. Всё, вплоть до подозрительно похожих проблем с отцом, комплекса вины, синдрома самозванца и желания быть лидером, несмотря на то, что получается у нас откровенно хреново.

Отвожу взгляд.

— Так же, как мои худшие черты идеально совпадали с таковыми у Грегга Ведера, когда я занял его место. Потому я и был Греггом.

Мой психотический эпизод бессильно пожал плечами.

— Мы действительно делим несколько душ на троих. Я точно знаю. Было время пообщаться с соседями, — он постучал костяшками пальцев по лбу.

— Пожалуйста, пусть хотя бы мой психоз не будет разговаривать с самим собой.

— Ты сам всё это начал, — насмешливо сказал он. — Ты убил Симону, но она всё ещё внутри.

— Вот только я никогда не был Симоной. Лишь Греггом, военным д'Орлеаном и теперь тобой.

Жон кивнул.

— Верно, вот только они с Симург конкретно покопались в твоей старой черепашке. Мне бы тоже хотелось, чтобы у меня была такая же причудливая и сверхмощная девушка вроде неё. Как жаль, что Эрика никогда не существовало. По крайней мере, я так думаю, всё ещё пытаюсь разобраться точно. Бессмертное гигантское чудовище зажарило твой мозг и заставило думать, что ты попаданец, чтобы ты не задавался вопросами о тех странностях, в которые она тебя заложила. Верно, Эрик?

Неуверенно поднимаю глаза на потолок.

— Именно по этой причине я больше не ассоциирую себя с этим именем. В армии меня называли только по фамилии, а из уст Симоны это имя звучало неправильно после того, как я узнал, кто я такой. Я до сих пор не уверен, что Эрик вообще существовал, а не является просто удобным шаблоном для того, кто продолжает измываться надо мной.

— Хочешь об этом поговорить? В плане, это ведь и моя голова тоже, я был бы не против разобраться, кто я, чёрт возьми, такой.

Издаю насмешливый хмык.

— Нет уж, спасибо. У меня и так этого дерьма хватает с моим психотерапевтом.

— Я ведь не знала, чем занимается, моя более лучшая половина, — произнесла Симона Морган, облокотившись на спину Жона и рассматривая свой маникюр. — Я и вправду думала, что ты Эрик.

— ...Меня откровенно достал этот заезженный приём с галлюцинациями, — сказал я с обречённостью смертника.

Она закатила свои серые глаза и поднялась. Жон исчез, бросив меня на растерзание волкам.

— Ну, хватит уже дуться, Эрик. Ты только посмотри на меня, я теперь настоящая аниме-девочка! Буквально твоя личная психованная вайфу.

Поднимаюсь со стула.

— Мисс Гудвич! — прокричал я. — Мисс Гудвич! Я разговариваю во время отработки, хотя вы мне запретили, а ещё у меня приступ психоза. Мисс Гудвич!

Симона шла ко мне, покачивая бёдрами, как Мэрлин Монро. На ней всё ещё было то облегающее белое платье, которое я когда-то ей купил.

— Я не настолько плохая, как ты себе напредставлял. В конце концов, я ведь тебя в итоге простила, верно?

Она протянула руку, чтобы коснуться меня. И хотя я знал, что она не настоящая, рука чувствовалась абсолютно реальной. Она схватила меня, в её хватке ощущались отчаяние и беспокойство. Я чувствовал, как моя конечность немеет под её цепкими пальцами.

— Эрик?

— Нет! — крикнул я, пятясь назад и спотыкаясь о стул. Приняв протянутую мне руку ковбоя, который сидел, положив ноги на стол Гудвич, резко вскакиваю. С другой стороны стола виднелось моё старое лицо - пятнадцатилетний мальчишка, в роли которого я провел добрую половину года. С револьвером на бедре, и всё ещё носящим ту белую футболку с блёстками и наклейками единорогов и надписью «Фанат Висты №1».

Грег Ведер приподнял свою ковбойскую шляпу и с сожалением посмотрел на меня.

— Не смотри на меня так, кемосабе (П.П; друг). Я здесь просто в качестве фансервиса, — он протянул мне флягу, которая висела у него на бедре. — Будешь?

Выхватываю её и выпиваю весь Джек Дэниелс залпом. Бросаю флягу в сторону и хватаю его револьвер. В моей руке оказался Поцелуйчик, и я пустил пулю ему прямо в грудь.

Отдача была такой сильной, что я чуть было его не выронил, после чего направил его на Симону. Она стояла, сложив руки за спиной и обеспокоенно хмурясь.

Взвожу курок и делаю выстрел, а затем ещё один, и ещё, и ещё, пока Поцелуйчик не опустел. Попытавшись закричать, я поперхнулся, чувствуя, как кровь из носа хлынула мне в рот и горло.

Захожусь в кашле, забрызгивая красной жидкостью себя и пол.

— Мистер Арк! — крикнула Гудвич, бросаясь ко мне.

Грохаюсь лицом вперёд и начинаю трястись, истекая кровью. Слюна, сопли и кровь смешались в одну лужу, лишая меня возможности дышать. Моё тело билось в конвульсиях и я попытался

взяться за что-нибудь, чтобы попробовать встать на ноги, но конечности никак не слушались.

— Просто великолепно, у вас припадок! — сказал Гудвич, и я почувствовал, как меня поднимают в воздух. Это была работа её Проявления. — Только не смейте мне тут умирать. Я не позволю вам так легко избежать наказания!

Это было последнее, что я услышал.

<http://tl.rulate.ru/book/110495/4326681>